

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 244 – 248.

УДК 811.161.1'371

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РЕЛИГИОЗНЫМИ КОНЦЕПТАМИ В РУССКОЙ НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале русских пословиц)

С. В. Евраева

*Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара,
г. Днепропетровск*

Статья посвящена изучению семантических отношений между религиозными концептами, указывающих на системный характер языковой картины мира. Проанализированы вербализаторы ключевых и периферийных религиозных концептов в контексте русских пословиц.

Ключевые слова: наивная картина мира, концепт, семантические отношения, вербализация.

Постановка проблемы. Как известно, одним из основных свойств языка является его системность (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр, А. А. Потебня), которая проявляется в наличии связей между языковыми единицами. Функционируя как элементы той или иной системы (подсистемы), языковые единицы наделяются так называемыми системно-приобретенными свойствами, обнаружить которые позволяет изучение связей между ними. Тем не менее, столь популярный в наше время концептуальный анализ редко включает исследование межконцептуальных связей, в то время как некоторые смыслы концептов проявляются именно в семантических отношениях с другими концептами. Так, в словаре Ю. С. Степанова [5] концепты объединяются в рамках одной словарной статьи (например, в статьях «СВЯТОЕ и СКВЕРНА», «ВОДКА и ПЬЯНСТВО» и др.), в отдельных работах в области концептологии анализируется несколько концептов [6; 7].

Такой подход представляется вполне оправданным, поскольку позволяет рассматривать концепт не как изолированную единицу, а как элемент той или иной концептосферы.

Целью настоящего исследования является анализ межконцептуальных связей в рамках религиозной концептосферы русской наивной картины мира. В качестве материала были выбраны пословицы русского народа [1; 2], в контексте которых и проводилось изучение семантических отношений между вербализаторами религиозных концептов.

В ходе исследования были обнаружены группы концептов, вербализаторы которых регулярно используются в контексте одной пословицы. Чаще всего эти лексемы находятся в антонимических отношениях, и в основе их противопоставления лежит оппозиция «праведное — греховное» [3].

Антиномичность данных категорий заложена уже в их дефинициях: так, толкование слова *праведный* является апокрифическим, т. е. основывается на противопоставлении понятию «грех» [4, с. 576].

Словарные значения слов *праведное* и *греховное* не исчерпывают всего разнообразия смыслов, которые они имеют в русской наивной картине мира. Многие из паремий, собранных В. И. Далем, содержат различные средства выражения оппозиции «праведное — греховное». Чаще всего это косвенные вербализаторы, реже — прямые номинации (т. е. непосредственно лексемы *праведный* и *греховный* и слова, парадигматически связанные с ними): *Послал бог работу, да отнял черт охоту* [2, с. 13]; *Аминь, аминь — а головой в овин* (т. е. на распутство) [1, с. 33]. В целом, проведенный анализ свидетельствует о том, что для русской лингвокультуры характерен интерес не столько к религиозным догматам, сколько к различным проявлениям отступления от них. Этим, по всей видимости, обусловлено активное функционирование в русских пословицах вербализаторов концепта *Грех*.

Идея противопоставления праведного греховному реализуется в русских пословицах через такие концепты, как *Бог, Черт, Грех, Душа, Священнослужитель*, а также через периферийные концепты *Спасение, Рай* и *Ад*.

В русской наивной картине мира идея существования наряду с реальным миром мира потустороннего реализуется наименованиями *тот свет, небо, царство небесное, рай, ад*. Одни из них (*царство небесное, рай* и *ад*) имплицитно содержат связь с оценочными категориями «праведное» и «греховное», другие (*тот свет, небо*) приобретают ее в контексте пословицы.

В русских паремиях наиболее употребительным является устойчивое выражение *тот свет*, противопоставляющее телесное и духовное в человеке, жизнь и смерть, грех и наказание: *На этом свете помучимся, на том порадуемся* [1, с. 25]; *Клеветники на том свете раскаленные сковороды лижут* [1, с. 143].

В наивной картине мира противопоставление души и тела довольно условно, поскольку считается, что после смерти душа человека попадает в не менее конкретный, реальный мир, чем мир живых людей. С этим связан образ дороги, ведущей на тот свет: *Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на том свете дороги не нашли* [1, с. 221]; *На том свете отовсюду одна дорога* [1, с. 224]. Более того, «бестелесная» душа выполняет в потустороннем мире вполне свойственные живому человеку действия: *Знать, будем мы и на том свете на бар служить: они будут в котле кипеть, а мы дрова подкидывать* [1, с. 223]; *Чтоб ему на том свете икалось!* [2, с. 208]; *За него уж на том свете провиант получают* [1, с. 227].

Периферийные религиозные концепты *Рай* и *Ад* связаны с дихотомией «праведное — греховное», поэтому их вербализаторы могут функционировать в составе одной паремии: *Своя воля — либо рай, либо ад* [2, с. 279]; *Лучше с умным в аду, чем с глупым в раю* [1, с. 348].

В русских пословицах лексемы *рай* и *ад* не только называют потустороннее пространство, но и символизируют хорошую, радостную жизнь, с одной стороны, и трудную, мучительную — с другой: *Девушка в терему, что яблочко в раю* [2, с. 204]; *Житье, что в раю* [1, с. 51]; *Город — царство, а деревня — рай* [1, с. 256]; *Житье, словно в аду* [1, с. 108]. Таким образом проявляется способность данных

концептов выступать в роли экземплификаторов (конкретизировать абстрактные понятия) и квалификаторов (давать им оценку).

Паремиологический материал иллюстрирует тенденцию носителей русской лингвокультуры избегать прямой номинации — *ад*. Вместо этого слова нередко используется устойчивое выражение *тот свет*, и только контекст пословицы конкретизирует данное понятие: *Ростовщики на том свете каленые пятаки голыми руками считают* [1, с. 61]. В пословице *Быть тебе в раю, где горшки обжигают* [1, с. 29] на основе оксюморона происходит замена слова *ад* перифрастическим наименованием.

В русском наивном сознании противоборство двух полярных начал (праведного и греховного, добра и зла, Бога и Дьявола) воспринимается как необходимое условие существования мира. В пословицах эта идея реализуется, в частности, через соотношение концептов *Грех* и *Спасение*.

Спасение человеческой души после смерти является высшей ценностью христианского учения, объектом стремления верующего человека, тем не менее, в русской культурной традиции прослеживается тенденция сочувственного отношения к грешнику. Так, в пословицах описывается его «путь» к спасению через выполнение вербальных религиозных ритуалов (покаяния и молитвы): *Не греша, не спокаешься; не спокаявшись, не помолишься; не молясь, не спасешься* [1, с. 31]; *Ни праведный без порока, ни грешник без покаяния* [1, с. 240]. Приведенные примеры иллюстрируют характерное для русской философии (и русского сознания вообще) представление о том, что без греха человек не может в полной мере испытать духовное очищение. Поэтому в большинстве русских пословиц греху противопоставляется не праведность, а именно молитва и покаяние: *Супротив греха и покаяние* [1, с. 163]; *Давидски согрешаем, да не давидски каемся* [1, с. 168].

Данная идея не является культурно специфичной, а восходит к евангельским притчам, в частности, к притче о заблудшей овце (Лк. 15: 4 – 7).

В русской наивной картине мира слово наделяется магической силой. Отсюда — табу на произнесение имен inferнальных существ и некоторых животных, а также на упоминание имени Бога «всуе». Таким образом, слово, направленное к Богу (молитва, божба и проклятие), наделяется особой силой: *Материнская молитва со дна моря вынимает (достает)* [1, с. 302]; *Аминь человека спасает* [1, с. 27]; *Идучи на войну, молись; идучи в море, молись вдвое; хочешь жениться, молись втрое* [2, с. 214].

Молитве в русских паремиях противопоставляется грех: *У кого на уме молитва и пост, а у кого бабий хвост* [2, с. 206]. В то же время практическая направленность мышления носителя русской наивной картины мира отражается в паремиях типа: *Аминем от беса не отбудешь* [2, с. 27]; *Молитвой квашни не замесишь* [2, с. 252].

Таким образом, концепты *Грех* и *Спасение* в русской наивной картине мира не только антиномичны, но и связаны между собой причинно-следственной связью. «Посредником» между ними является *Молитва*.

Оппозиция «праведное — греховное» выражается в русских пословицах также через концепты *Бог* и *Черт*: *Господь умудряет слепца, а дьявол искушает чер-*

неца [1, с. 30]; *Сказал бы богу правду, да черта боюсь* [1, с. 156]; *Бог любит праведника, а черт ябедника* [1, с. 29]. Модальная рамка «праведное — греховное» относится к действиям человека, поэтому именно концепт **Человек** в пословицах связывает концепты **Бог** и **Черт**.

С этой позиции человек может относиться к миру греховного (*Кто богу не грешен, кто бабке не внук?* [1, с. 162]; *Правда свята, а мы люди грешные* [1, с. 155]) или выступать пассивным существом, подверженным влиянию то Бога, то черта, которому зачастую делегируется ответственность за человеческие грехи (*Послал бог работу, да отнял черт охоту* [2, с. 13]; *Первая жена от бога, вторая от человека, третья от черта* [1, с. 265]). Последний пример иллюстрирует представление русского народа о «промежуточном» положении человека между силами добра и зла.

В русской наивной картине мира концепт **Черт** толкуется неоднозначно: традиционно являясь олицетворением зла, он в то же время максимально приближен к человеку. Паремиологический материал иллюстрирует тенденцию носителей русской лингвокультуры соотносить черта скорее с человеком (священнослужителем), чем с Богом: *Не наше дело пона учить, пусть его черт учит* [2, с. 106]; *Поп с кадилом, а черт с рогатиной* [1, с. 30] и др. Следовательно, в наивной картине мира инфернальные существа переносятся из ирреального мира в реальный.

Описанные первичные религиозные концепты обнаруживают в русской наивной картине мира связь со вторичными концептами: **Правда**, **Закон** и др. Так, в русских паремиях фиксируется противопоставление закона Божьего человеческим законам (светским, общественным): *Богатство перед богом великий грех, а бедность — перед людьми* [1, с. 70]. И если правда соотносится в русской наивной картине мира с божьими законами, то неправда — с человеческими: *Правдой жить — от людей отбыть; неправдой жить — бога прогневить* [1, с. 121]. Функционирование пословиц, указывающих на значимость общественного мнения для русского человека, указывает на такую черту русского архетипа, как соборность. В частности, приведенные пословицы иллюстрируют не противоборство Бога и человека, а несоответствие общественных законов христианским. С этой особенностью русского менталитета связана также выраженная в русских паремиях идея «добрых людей»: *На (за) кого бог, на (за) того и добрые люди* [1, с. 119]; *Кто добрых людей не слушает, тот богу спорник* [1, с. 192].

«Добрые люди» — понятие, которое входит в семантическую структуру концепта **Человек** и связывает его с концептом **Бог**, поскольку аккумулирует в себе христианские и общественные ценности русского народа.

Выводы. Элементы религиозной концептосферы, куда входят первичные и вторичные, ключевые и периферийные концепты, в русской наивной картине мира обнаруживают тесные семантические связи. В их основе лежит модальная рамка «праведное — греховное», формирующая в сознании русского человека систему ценностей, через призму которой он оценивает окружающий мир. Данная оппозиция реализуется в русских пословицах широким спектром концептов, что свидетельствует о ее значимости для русского наивного сознания.

Большинство религиозных концептов связано с концептом *Человек*, в чем проявляется антропоцентрический характер религиозной концептосферы.

Литература

1. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. / В. И. Даль. — М.: Художественная литература, 1984. — Т. 1. — 383 с.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. / В. И. Даль. — М.: Художественная литература, 1984. — Т. 2. — 399 с.
3. Евраева С. В. Концептуальное выражение оппозиции «праведное — греховное» в русской наивной картине мира / С. В. Евраева // Вісник Дніпропетровського ун-ту. — Дніпропетровськ, 2008. — Вип. 14. — С. 115 – 121. — Серія «Мовознавство».
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2004. — 992 с.
6. Чернейко Л. О. Концепты «жизнь» и «смерть» как фрагменты русской языковой картины мира / Л. О. Чернейко, Хо Сон Тэ // Филологические науки. — 2001. — №5. — С. 50 – 59.
7. Шведова Н. В. Фразеологизмы с компонентами «бог» и «черт» в современном русском языке: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. В. Шведова. — Тюмень, 2004. — 21 с.

Евраева С. В. Семантичні відносини між релігійними концептами в російській наївній картині світу (на матеріалі російських прислів'їв).

Стаття присвячена вивченню семантичних відносин між релігійними концептами, що вказують на системний характер мовної картини світу. Проаналізовано вербалізатори ключових та периферійних релігійних концептів у контексті російських прислів'їв.

Ключові слова: наївна картина світу, концепт, семантичні відносини, вербалізація.

Yevrayeva S. V. Semantic relations between religious concepts in russian naive worldview (in russian proverbs).

The article deals with study of semantic relations between religious concepts that point out at the system nature of the language worldview. The analysis of the verbalization of the key and peripheral religious concepts in Russian proverbs is carried out.

Key words: naive worldview, concept, semantic relations, verbalization.

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2010 г.